

Николай ГАБАЛОВ

г. Петрозаводск

, или Плюс Ноль

Пролог

*Вот я говорю: «Весна», – говорю, –
Она говорит:» Похоже».
А я говорю: «Краса», – говорю, –
Она говорит:»Ну и что же!»
«Гляди, – говорю, – луна», говорю, –
И звездочки словно крошки,
Она говорит: «Лампа горит
И выются над ней мошки»...*

Мне кажется, я помню эту песню всю свою жизнь. Собственно, так и есть: она младше меня всего на девять лет.

И даже частенько приходится если не напевать, то – цитировать.

В те моменты, когда деликатно, но обязательно нужно обратить внимание собеседника на то, что – об одном и том же говорим, но как-то очень по-разному.

Не собеседника, конечно, а собеседницы. Потому что это вот так бывает...

*А я говорю: «Прощай», – говорю, –
«Такое мое слово».*

*Она говорит: «Постой», – говорит, –
«Давай говорить снова».*

Семь новелл собрал я под общим названием

«Плюс Ноль». Они о любви между мужчиной и женщиной.

Наверное, точнее – о любви мужчины к женщине.

Любови, которая выражается словами.

Слова иногда складываются как-то очень неудачно.

Точнее, плохо складываются.

В ноль...

Вот ведь незадача: слова есть, смысл, чувство в них есть, а результат – ноль.

Не складываются слова.

И жизнь словно бы не складывается...

«Ведь я же не слова, а то, что за словами», – так, укрытый темнотой сада, признаётся в любви своей прекрасной Роксане Сирано де Бержерак. И, по воле драматурга Эдмона Ростана, до самой своей трагической смерти он остаётся для возлюбленной только словами...

Кто ярче, чем Сирано, смог воплотить трагедию и величие неразделенной любви? Любви, в которой было место всему – и дуэли одного против сотни, и нежнейшим признаниям, и поступкам не досягаемой в повседневности высоты!

Мы – это то, что за словами. И не меньше самоотверженного умницы и забияки Сирано хотим быть услышаны в самой сокровенной своей глубине.

Потому что доподлинно знаем: только эта услышанность и станет полным и безусловным оп-

равданием нашей жизни, поисков смысла, нашей любви и боли.

Потому что всем существом, случается, чувствуем: если любимый не слышит нас – мы оставлены один на один с гибелью...

«Батько! где ты? Слышишь ли ты?»

Это последний крик муки человеческой на смертельном рубеже. И необходимо, жизненно необходимо, чтобы в ответ прозвучало:

«Слышу!»

На языке души слышать – это чувствовать, сердцем слышать.

Услышать и почувствовать ближнего своего...

Кто он, наш ближний?

Этим вопросом испытывал, искушал Спасителя некий законник. В ответ услышал притчу о добром самарянине. Том, кто пожалел иудея, израненного разбойниками до полусмерти.

Мимо погибавшего едва ли не с презрением прошли соплеменники и единоверцы. А самарянин отвез бедолагу в ближайшую гостиницу и заплатил вперед за уход и лечение. Самарянин добрый оказался для пострадавшего иудея тем ближним, которого, по закону законов Священного Писания, следует возлюбить как самого себя...

Так ли прозрачна рассказанная Спасителем история?

На протяжении столетий споры о смысле притчи и значении понятия «ближний» не утихают. Это совершенно объяснимо!

Здесь же золотой ключик, а то и пропуск в райские кущи!

Нам ведь кажется: вот проникнем в смысл слова «ближний», получим ясное и недвусмысленное указание, кто этот ближний конкретно, и тут же помчимся его возлюбивать.

И пусть кто-нибудь попробует нас после этого не пустить в обетованное Царство Небесное...

Однажды мне встретилось очень краткое толкование. Не разумом, но сердцем сразу и радостно его принял.

Автор комментария, священник, для начала объяснил на современном языке, кто такие самаряне. И почему на месте самарянина в притче не мог оказаться, скажем, грек или эфиоп. А заодно пояснил, почему представители этого народа в Библии периодически становятся критерием, пробным камнем истины для «титულно избранных». Например, та же женщина-самарянка у колодца, смиренно выслушавшая, казалось бы, уничижительное слово...

Так вот, самаряне – это такой народ, который в силу исторических причин был не просто верующим иначе, нежели иудеи. Жители Самарии частично заимствовали у народа Израиля вероучи-

тельные основы, но добавили нечто совершенно противоречащее этим основам.

Вот язычники, они были настолько «другие», настолько далеки от иудеев в своих верованиях, что их можно было всерьез не принимать. Снисходительно относиться, свысока, как к диким и несмышленым, не заслуживающим серьезного внимания и общения.

А к самарянам так относиться правоверному иудею было неумоготу...

Самаряне в глазах сынов Израиля выглядели, скажем так, карикатурой, недружеским шаржем, просто издевательским подражанием!

Наверное, что-то подобное мы иногда чувствуем, когда наблюдаем за кривляющимися и передразнивающими нас обезьянами. И чем больше горилла или орангутанг напоминает повадками человека, тем острее неприятное чувство: неужели мы хоть в каком-то родстве с этими пародиями на нас?

Это столкновение вероучений, обрядов, привычек и предрассудков двух поневоле соседствовавших народов было неизбежным. В отношениях между ними постоянно присутствовали нетерпимость, жестокость и насилие.

И еще – страх. Особо проявляющийся, когда представитель одного племени вынужден был в смертельной опасности пробираться через территорию другого.

Так вот, тот священник – автор толкования притчи о ближнем, обращаясь преимущественно к мужчинам, расшифровал её просто: ваш ближний – это ваша спутница, супруга, жена, возлюбленная...

Именно она – посланник Творца на вашем жизненном пути.

Ближе ее у вас просто никого нет!

Как иудеи с самарянами, вы – и схожи, и очень разные. И живёте бок о бок. Иногда – как смертельные враги!..

Подчас – в необъяснимом страхе, дискомфорте, когда попадаете «на чужую территорию».

Возлюбите такого ближнего – и только это спасет вас.

И разве теперь не ясно, почему Спаситель призывает возлюбить даже врагов? И ближний – тот, который на нашем веку нам послан, может оказаться и врагом. Если не успеем возлюбить...

И другого ближнего – нет. Попытайтесь выдумать другого, более удобного для возлюбления, назовёте его спасительным ближним – не удивляйтесь, что тщетны ваши потуги.

Не так проста притча о добром самарянине!

Это не карамельное поучение из книжки для малышей. Не манифест терпимости ко всем и всему, даже худому и противоестественному, на современном языке названной словом «толерантность».

Это – вызов! Проверка всего истинно человеческого в нас.

Но такой высокой планки не выдерживает современный человек. Ошибается с ближним. И мучается – в любви и без любви, в ожидании любви и в оплакивании её.

«Иудейско-самарянские отношения с ближним» не востребованы в наставлениях влюбленным. Современные писатели ищут и находят иные образы. Более легкие, более подходящие нашему стремительному и очень технологичному времени.

Например, психолог и писатель Джон Грэй свою книгу о взаимоотношениях полов назвал «Мужчины с Марса, женщины с Венеры». Книжка очень популярна. На 45 языков переведена, и ее суммарный тираж около 50 миллионов экземпляров.

Наверное, человечеству, так ждущему космических новостей о пришельцах, сегодня ближе именно такой образ. Иудеи с самарянами – всё-таки история, требующая взгляда не вверх, в звёздную чернь, а вглубь. Вглубь себя, вглубь человека...

Мы сегодня берем всё от окружающего мира преимущественно числом и счётом, редко заглядывая в глубины – истории ли, сердца ли, слова. Вершина наших достижений – пресловутый компьютер с его двоичной системой счисления – да и нет, ноль и единица.

Машина, первоначально называвшаяся электронно-вычислительной, сегодня уже не просто математический инструмент. Это – такой безотказный слуга, начинающий уже угадывать движение взгляда хозяина. И чем больше слуга на себя берет забот, тем быстрее – и обязательно! – станет претендовать на роль господина.

И вот, например, эти небольшие новеллы, объединенные названием «Плюс Ноль», первоначально, в черновом (живом?) варианте появились в компьютерной сети, в Живом Журнале. В этой виртуальной среде есть свои правила, условности и свой язык.

На этом языке «+0» означает «Без комментария».

Я этого не знал, когда родилось название. Мне подсказали этот вариант истолкования как раз пользователи сети.

Не возражаю. Наверное, в этом есть что-то символическое.

Если уж продолжать тему символики, то в этом цифровом +0 один из опытных в нумерологии и символике первых читателей «Плюс Ноль» увидел традиционный значок планеты Венеры.

Как подсказывают энциклопедии, графический символ Венеры представляет собой круг, расположенный над крестом, что интерпретируют как символическое изображение зеркальца богини Венеры/Афродиты. Круг символизирует дух, за-

пас жизненной энергии, жизненный материал, а крест – стихийные влияния, материю.

Знак планеты Венера с середины XVIII века шведский биолог Карл Линней стал использовать для обозначения женщины (или женской особи, если шире). И до сих пор эта символика остается неизменной.

Что ж, пусть и так будет тоже.

Да, эти новеллы о любви к женщине.

Да, это такое небольшое зеркальце – и, может быть, кто-то увидит себя в нем.

И крест здесь очень и очень кстати.

Мне по душе и другая символичность.

Оказывается, «ноль», не знакомый мудрым грекам, был известен очень давно другим загадочным племенам – индейцам майя.

Первая сегодняшняя ассоциация с этими южноамериканскими индейцами – это, безусловно, обсуждаемый многими «конец света по календарю майя».

Люди в очередной раз за многотысячелетнюю историю выискивают в небесах, в письменных источниках и расплывчатых предсказаниях «пророков» приметы окончательной гибели мира. Выискивают, как выразился поэт, «с гибельным восторгом».

И в этих «баснях» конец света наступит настолько вскоре, что мало кто сомневается, что доживет до захватывающего зрелища всеобщей катастрофы. И еще посмотрит на это в интернете. Он-лайн.

Горько наблюдать, как вполне достойные и неглупые люди, вместо того, чтобы с порога отвергнуть эту «тысяча первую» сказку про предсказанный до дня и месяца «конец света», начинают смущенно приговаривать – мол, а может, в этом что-то есть?..

Есть, конечно!

Есть та самая попытка – заменить жизнь души математическими расчетами.

Переложить ответственность за радость и горе на что-то внешнее. И непременно обязательное для всех.

Есть что-то чудовищно бесчеловечное в том, как люди передают друг другу басни про мировой мор и падение комет. Такое ощущение, что они верят: все пропадут, но я каким-то чудом это увижу, как в 3D-кино, и останусь жив...

Но наш Армагеддон всегда с нами. И что такое конец света – настоящий, но без падающих астероидов, нашествия инопланетян и гигантских цунами – знает каждый, кто испытал предательство горячо любимого человека.

Или пережил утрату надежды.

Спросить нужно у них. Они знают: конец света – это тьма. Заполняющая в мгновение всё существо человека. Останавливающая течение жизни. Не позволяющая дышать, чувствовать.

И так ли важно проживающим истинный апокалипсис людям – что в этот момент делают окружающие? Празднуют ли что-то? Укрываются ли от дождя и снега? Или бегают, запечатлевая на мобильные телефоны и видеокамеры большие и малые происшествия, чтобы первыми выложить видео в мировую компьютерную сеть?

...Мы их еще спросим с пристрастием – великих в своей таинственности майя, сочетавших дичайшее варварство с ниоткуда взявшимися точнейшими астрономическими данными. За их календарь, так мистически обрывающий летосчисление.

Но вот эти индейцы майя, в отличие от высокоумных древних греков, уже знали, что такое ноль. Изображали в виде пустой раковины – устрицы или улитки.

Очень точный образ. Пустота. Покинутый, оставленный дом.

Но при этом ноль индейцев майя означал одновременно и бесконечность!

Пусть хоть это утешит ожидающих всемирной катастрофы. Такой катастрофы, что – для всех сразу, без разделения на чистых и нечистых, скопом, чтобы никому не обидно, чтобы уравнивать живущих по совести и прожигающих, проматывающих данное от рождение богатство жизни...

Утешьтесь, утешения всем нужны.

Но можно в этой математической пронизательности древних увидеть шанс. Шанс начать с нуля. С плюс нуля, то есть с нуля, обладающего чем-то положительным. И шагнуть в бесконечность собственной души. Открывающейся истинному ближнему и окружающей его любовью...

Как умел, я изложил свои наблюдения в небольших новеллах. Если кто-то, ощутив сходство этих историй со своей жизнью, найдет их полезными, – буду счастлив. Даже если никогда не узнаю об этом.

Стеариновая свечка

Она скажет:

– Мне не нравится моя жизнь...

Когда-нибудь обязательно скажет в ответ:

– Мне не нравится моя жизнь!

Опустите взлетевшие брови и не пытайтесь вспомнить свой вопрос.

Он был несуществен. Случаен. Глуп. Или провокационен, вроде: «Ну что с тобой опять?»

Это ужасное слово «опять»! Слово, которым мужчины ранят – в самый неподходящий момент. Сознательно или по неповоротливости.

– Мне не нравится моя жизнь!!!

Не понимаете – так поверьте: это самый точный, полный, исчерпывающий и окончательный ответ. На

любой прозвучавший ваш – случайный, глупый и провокационный – вопрос.

Не пытайтесь «уточнить подробности». Ответом станет лишь еще большее раздражение. Презрение. Ненависть и оскорбления. Непременно – слёзы.

Что конкретно не устраивает? Это? Или это? Может быть, это?

Это не менее ужасное слово «конкретно»! Мужская кольчуга. Латы. Шлем с глухим забралом. И одновременно – пыточная дыба.

«Это», «это» и «это» – устраивает! И даже все вместе взятые «это», наверное, лучше, чем можно желать! И ты сам неплох, и, наверное, даже хорош. И, скорее всего, лучше иных.

Но жизнь – не устраивает. В целом.

Врачи-педиатры предупреждают молодых неопытных родителей: вы никогда не узнаете, что конкретно болит у грудничка. Просто потому, что в этом возрасте их боль не локализована. Не имеет адреса. Не сформирована полностью нервная система. Что бы ни болело у ребенка – он БОЛИТ ВСЕ. И плачет – весь.

Можно и нужно лечить конкретно вздутие животика. Покормить, если голоден, сменить подгузник, если мокрый, распеленать, если жарко.

Но всегда – прижать, покачать, приласкать. Приложить к груди. Утешить всего.

И когда он успокоится, не торопитесь торжествовать. Вы не сможете ни сейчас, ни правилом на будущее сказать – вот, я нашел, откуда у него болело. Вы не узнали причины, вы боролись со следствием. Просто так получилось. Успокойтесь и порадитесь, что сейчас – не плачет.

Вы обречены всякий раз искать конкретную причину, и всякий раз – безуспешно. Результат будет случаен. Через время вы приобретете понимание: когда ребёнок плачет, его надо сначала утешить.

С младенцем всё ясно. Он несмышленый и беззащитный. Но ведь мы взрослые люди!

Мы знаем слова, составляем из них законченные осмысленные предложения. Пытаемся думать и чувствовать.

И, наконец, мы вместе, мы строим общую жизнь.

Но здесь-то тупик!

Как так – по частям всё устраивает, а всё вместе – не нравится?

Логика и ее сестра математика бессильны.

Услужливая память вам может подбросить что-нибудь банальное, из школьного Тургенева: «Мужчина может, например, сказать, что дважды два не четыре, а пять или три с половиною; а женщина скажет, что дважды два – стеариновая свечка».

Но и классик ничего вам не прояснил.

Вы еще бьётесь над решением и почти злитесь.

Сумма множества слагаемых, положительных и натуральных, по ее формуле, в итоге дают ноль. Не в математическом смысле, а в экзистенциальном.

Пустоту. Ничто. Ничтожество!

Да, вы чувствуете себя ничтожеством. На этот момент или, что хуже, – как выражаются финансисты-экономисты, «нарастающим итогом». «Ноль нарастающим итогом» – это катастрофа и кошмарный сон. Ноль не превращается в положительное число, а просто растёт, растёт...

Как кэрролловская Алиса, взламывая все уютные и привычные границы, руша стены и потолки.

В одночасье вся предыдущая ваша жизнь представляется перечеркнутой – как непоправимо бессмысленная. Всё зря?

Вы чувствуете: еще немного – и вы, как младенец, заболите весь.

Потому, что – несправедливо!

Несправедливо – это последняя соломинка, за которую вы хватаетесь.

Она и не отрицает. Она прекрасно осознаёт, что несправедливо. Но не отменяет приговор:

– Мне не нравится моя жизнь!

Вы уже превратились в болящего всей своей кожей ребёнка. Вы давно так хорошо не чувствовали всей кожей.

Вы никогда не собирались зачислить свой искренний дар любви в кредиторский список «к востребованию». С суммой «это», «это» и еще «это».

Вы ведь тоже не сумма! Тем более – с таким нулем в ответе!

Логика с математикой отвергнута. Начинается приступ юриспруденции.

Вы чувствуете себя преступником, которому оглашен приговор.

Пусть приговор. Пусть без права на защиту. Пусть всё, что вами сказано, использовано против вас в суде. Пусть вас четвертуют или отправят в одиночную камеру! Вы даже не будете защищаться, готовы мужественно принять данное судьбой.

Но вы хотите слышать весь приговор, с описательной-мотивировочной частью!

Вас не упрекнули за то, что вы оставляете не закрытым тубик с зубной пастой. Что вечно не закрываете дверцы шкафов, не выворачиваете носки налицо, бросая их в стирку, не придерживаете шторы, когда открываете балконную дверь, не подарили то, что собирались, на день рождения, не...

Еще пять минут назад вы не были настроены слышать эти или какие-то еще замечания в свой адрес, даже заслуженные. Но сейчас вы рвётесь на плаху, на костёр. Вы готовы признать себя виновным по каждому пункту. И пунктов – побольше, всё, что накопилось. Чтобы р-р-раз – и всё!

Вы предвкушаете и рисуете в самых ярких образах своё публичное, сокрушенное покаяние.

Да, немножко театрально преувеличенное и громкое. Кто не знаком с истинным покаянием, чаще всего переигрывает, ничего тут не поделаешь.

Вы готовы – нет, вы жаждете понести наказание! По всем предъявленным пунктам. Серьёзное наказание, ущемляющее вас в привычном и необходимом.

Только чтобы все грехи были явлены, преступления – названы, осуждены, но уж после казни чтобы это не повторялось никогда больше!

«Расстреливать два раза уставы не велят»...

И еще одно... Может, вы постараетесь себе не признаться... Но обиднее всего то, что вы сами мечтали бы вот так – просто и ясно – сказать «Мне моя жизнь не нравится».

Вы точно знаете и чувствуете: это будет такой же правдой! Ведь эта жизнь ваша общая. Жизнь двоих или нравится двоим, или двоим не нравится. Что бы кто ни говорил.

Вы великодушно избежали бы перечисления «по пунктам» конкретных претензий. И всю вину взяли бы на себя. И чужую – тоже.

Только бы вам хоть раз дали право вот так, целостно, без сумм и детального разбора сказать: мне не нравится моя жизнь!

Но вы такого права себе не оставили. Не имеете права оставить себе такое право.

И удобного случая так высказаться никогда не будет. Никогда!

Стеариновая свечка – это только её. И она зажжет ее, когда почувствует, что – темно, очень темно на душе.

...Костёр, запыхавший от этой свечи, догорает. Ваши судьи и палачи не появлялись вовсе. Приговор не звучал – это всё вам померещилось.

Всё, кроме того, что – она только что сказала:

– Мне не нравится моя жизнь...

Наберите побольше воздуха в грудь и – обнимите ее.

Прижмите ее голову к плечу, погладьте по волосам.

И просите прощения – настолько искренне, насколько позволит поднимающаяся из глубин и не утихающая обида. Обида, конечно же, на несправедливость.

Чем быстрее опомнитесь – тем меньше шансов у обиды захватить вас.

Здесь как с простудой – лечить нужно, как только почувствовали первый симптом. Иначе – две недели в совершенно беспомощном положении.

Она может вас прогонять, уворачиваться от объятий и поцелуев. Говорить отчаянные и даже грубые слова. Но вы-то давно знаете: это не

всерьез. А и всерьёз – не ищите в этом возможности отойти в сторону.

Она не удержится от слёз. Не останавливайте – они всё равно прольются. И так будет лучше.

Это будут слезы облегчения. Она в глубине души останется вам за них благодарной.

Хуже, если она заплачет от еще более горькой обиды. Обиды на то, что вы отстранились, ушли в свою обиду, упустили возможность совместного проживания, печали....

Сможете – постарайтесь утешить, бормочите любую ересь. Не можете утешить – молчите и перетерпите всё, что она скажет.

Только не спрашивайте её ни о чем... Никаких вопросов!

Она и так сказала вам больше, чем вы можете вместить.

У вас потом будет время – наедине с собой и разбираться, и думать, и действовать. До следующего:

– Мне не нравится моя жизнь...

Потому что она однажды скажет:

– Мне не нравится моя жизнь!

Опять??

Опять.

Брюс Уиллис

Она вдруг скажет:

– Я боюсь тебя потерять.

Редкий мужчина долетит до середины этой фразы, не расправив гордо плечи, не ощутив внутри прилива благодарной нежности.

Вы уже готовы скомкать и выбросить в мусор весь предыдущий, тяжелый и странный разговор.

И вам кажется, что эта мысль, наконец-то, всё объясняет!

Ну конечно! Мы боимся потерять что-то – и инстинктивно, лихорадочно хватаем это что-то со всей силы. И силы не рассчитываем. От таких захватов остаются синяки и ссадины.

Вы в шаге от того, чтобы совершить что-то пафосное, бессмысленное, суетливое и к существу дела не относящееся.

Или вообще что-то такое, за что потом придется долго извиняться.

... Поцелуйте её, обнимите.

Переведите тему.

Но вы ведь сделаете по-другому, правда?

Переполненный ощущением собственной значимости в её жизни, вы решили сказать умное: «Я тебя понимаю...» или «Я тоже боюсь тебя потерять ...».

Есть похуже вариант: вы свысока, снисходительно, покровительственно, как взрослый с ребёнком, приобняв, говорите что-то вроде: «Ну,

перестань, моя маленькая, мы всегда будем вместе и проживём долгую жизнь».

Готовьте бинты и зелёнку.

Они вам вот-вот пригодятся.

Потому что вы надругались над самым светлым, что ее сейчас переполняет. Именно сейчас, когда она произнесла эту фразу.

И она накажет вас за самонадеянность, высокомерие, бесчувствие, тупость – и еще за многое что, чего вы в себе не подозревали.

Если вы не понимаете, что она права – значит, это вы еще «мой маленький». В смысле – категорически несмышленный.

Но главная ваша вина в сию секунду – вы не принимаете всерьёз ее переживания.

Вам наплевать на её чувства, вы думаете только о себе!!!

И вообще – она ничего вам не говорила, можете забыть. И никогда больше этого вы от нее не услышите.

...Хлопнула дверь в гостиную. Или в спальню. Или входная.

Вы ведь стоите столбом? Так присядьте и поразмыслите.

Она скоро вернется. Может, вам покажется – даже слишком скоро. Быстрее, чем вы усвоите этот урок.

...Вот с чего вы решили, что сказанное – о вас, для вас?

Вы-то тут при чём вообще?

И само это движение, и фраза не вас касаются. Вы здесь персонаж второстепенный. Необходимый по пьесе, но никак не главный герой.

Вас окликнули: «Любезный!..» – и вы решили, что вам чуть не в любви признались!

Вы и представления не имеете, что искони так обращались к персонажу, чей текст на сцене исчерпывался словами «Кушать подано...»

...Как только она проговорит вслух «Я боюсь тебя потерять», она уже представила, что вас потеряла.

И ей стало себя жалко.

Ей и по другим поводам часто бывает себя жалко, но сегодня – по этому поводу. Ну, или по другому, а этот образ – «Боюсь тебя потерять» – просто на язык попал.

Но вы-то всё равно здесь при чём?

Она боится потерять. То, что теряла не раз за свою жизнь.

И очередной какой-то потери не хочет. Сейчас – не хочет.

Вы готовы усмотреть в этом игру воспалённого воображения с налетом натурализма: как это вы, живой и тот, что рядом, и не потерянный совсем – и ни при чем?

Устыдитесь! В своих фантазиях она вряд ли представляет вас «в гробу в белых тапочках».

Скорее всего, перед ее мысленным взором сейчас проходили кадры очень мелодраматичного фильма.

В этих ярких и снятых по всем операторским канонам фантазиях вы вообще на заднем плане, размыто.

Может, своё «Кушатьподано» вы в этой сцене еще только готовитесь произнести. А может и вовсе не ваш выход, и вы курите там, в гримёрке.

Но страшное уже угадывается. Страшное – ей.

Из реальности эта сцена, из романа или фильма, или вообще из недавнего тяжелого сна – совсем не существенно. Для нее тут нет разницы, сон это или явь.

Как неважно и то, живы вы или внезапно покинули этот мир..

Вы покинули ее мир. Она осталась без вас.

Её и без – это важнее, чем «вы» и «мир».

Ей в этих горестных кадрах очень неуютно. Она на переднем плане.

И крупно – её безутешность.

...Вам что, трудно было досмотреть и дослушать?

Но вы просто включили себе другое кино.

Одновременно с ней, но – другое.

Вы разве никогда не смотрели полунинского «Асися»? «Кыно, детективо! – Любофф асися?»

...«Я не хочу тебя потерять» – это, если хотите, название сериала. Очень длинного, запутанного. Про любовь, потери и измены.

Да, те, которые давно стали темами мужских анекдотов про Санта-Барбару.

Да, со старыми, как мир, и родными, как боль, сюжетами.

Великий Гёте насчитал вечных сюжетов всего три десятка. Автор знаменитой «Принцессы Турандот» Гоцци – 36.

Словом, вся мировая беллетристика, сколь бы изощренными ни казались сюжеты, может быть расставлена на четыре десятка полок.

Самый заурядный сериал на несколько сезонов содержит в себе больше серий.

Этой литературоведческой статистики она может и не знать. А даже если и слышала – это ничего не меняет.

Пусть хоть каждый день воспроизводится вечный сюжет «Москва не верит слезам, но Золушка принца встретит» – ей нужно каждый раз пропустить его через себя!

Плакать от предательства, узнавая в нём все коснувшиеся её предательства.

Умирать от брошенности, страхась вспомнить, сколько таких предательств было в реальной жизни.

Воскресать в заботливых руках любящего, всё прощающего и всё понимающего возлюбленного.

Разрешить себе поверить, что на этот раз – всё по-другому! Всё предсказанное феей – сбылось!

И постоянно любить! Хотеть любить...

... Но вы-то сочли, что «Не хочу тебя потерять» это название героического боевика.

И вы в нем, конечно, Брюс Уиллис.

Неубиваемый в принципе. Даже если его герой добровольно принимает героическую смерть, заслонив собой хорошего парня или заодно всю планету.

Он всё равно неубиваем. Потому что он Брюс Уиллис.

В вашем фильме даже прекрасные героини выглядят вторичными.

Они прекрасны – ну, потому, что всегда приятнее спасать красивых. Лучше – принцесс. Или очень добрых сердцем и безгранично благодарных Алёнушек.

И в вашем кино это он, Брюс, не хочет, не имеет права потерять близких. Всех или нескольких, оставшихся после злодейств, совершенных плохими парнями.

Если даже никого не осталось, то, осуществляя справедливое возмездие, он встретит ту, которую уж в следующий раз надежно защитит.

И не остановится ни перед чем, не склонится ни перед кем. Проявит своё мужество и смекалку, силу и находчивость – и плохие парни очень пожалеют о том, что кого-то обидели. Если успеют перед смертью.

И они – Брюс Уиллис и Алёнушка-принцесса – обнимутся перед самыми титрами. Очень целомудренно и красиво. Потому что Брюс Уиллис – он такой.

Вы ему верите. Потому что не верить Брюсу Уиллису нельзя.

Ему не верят только плохие парни, за что и бывают наказаны.

...Вы смотрите кровавые боевики, жесткие боксерские схватки, всякие восточные единоборства и детективы с убийствами. Может, вы сами никогда не ударили человека, тем более – не были причиной чьей-то смерти. Но вы что-то чувствуете, глядя на экранные побоища.

А она – нет! И если готова посмотреть ваше кино – то потому что Алёнушка. Благодарная и желающая сделать вам приятное.

Но сама никогда не сядет смотреть ваше кино. И перестаньте с восторгами рассказывать об очередном Брюсе – Уиллисе или Ли...

Потому что в ваших фильмах потеря – это что-то другое. Совсем не то, что проживает она, пересматривая сериалы, в которых потерь много больше, чем смертей.

Брюс Уиллис победил – вместе с ним победили вы.

Герои ее сериала не в силах счесть потери надежд, любви, лучших чувств – вместе с ними прожила жизнь, погибла и возродилась она.

... Вот, уже совсем скоро она вернется. И вам надо успеть повторить выученный урок.

В будущем, может быть, сто́ит хоть раз сестра и посмотреть с ней то, что нравится ей.

Конечно, вы мало поймете, или вообще ничего. Или вас это не тронет. То есть не почувствуете.

Да она сама может ощутить некоторую неловкость и с напускной грубостью (или напускной заботливостью) отправит вас заняться чем-то, что вам по душе.

Но вы хотя бы будете знать: Брюс Уиллис, хоть в боевике и была любовь, вдохновляющая героя, – это не про её любовь. И там нет страха – её страха – кого-то потерять или быть потерянной кем-то дорогим.

А вот теперь пришло время по-настоящему озаботиться и собраться с духом.

Что же она сказала, произнесла:

– Я боюсь тебя потерять...

Она дала вам знак: будьте готовы к «проверкам на дорогах».

И теперь станет пробовать вас на излом.

Не для того, чтобы сломать, а чтобы каждый день убеждаться, что – излома нет.

Что вы выдерживаете любое с собой обращение. И не сломаетесь, даже если терпеть уже невозможно. Только тогда она будет спокойна. Ну хотя бы целый день...

Иногда вам будет казаться, что она только и делает, что провоцирует вас, пытается манипулировать вами.

Это так и есть! Она действительно и провоцирует и пытается манипулировать.

И ни за что другое не будет так вам благодарна, как за то, что вы – выдерживаете. Не поддаетесь на провокации. Не позволяете манипулировать – не переходя при этом на грубость и обвинения.

И это будет – настройтесь! – всю жизнь. И никак по-другому.

Это только ваш боевик через полтора часа кончился. А ее сериал – не кончается никогда. И даже не прерывается. Всегда наготове новый. Потому что новый – он тот же самый.

И вы теперь знаете, что Брюс Уиллис, сражаясь с целой дивизией, еще легко отделался.

Вам труднее. Потому что – каждый день, а не полтора часа.

Но вам должно стать легче, если вы ее поймете.

Она уже имеет горький опыт потерь. И очень хочет убедиться, что виной тех расставаний была она.

Вы – ее шанс в этом безмолвном споре с судьбой

и совестью. На вас потери и предательства должны прекратиться.

Только уверенность в вас и в том, что идут титры «Конец ужасного фильма», докажет, что её вины в прежних потерях – нет и не могло быть.

Она не может считать себя виноватой в потерях. Это для нее означает бессмысленность всей жизни, крах ее как женщины.

Она всю жизнь во внутреннем безмолвном споре с собой будет себя винить – и оправдывать. Эти весы почти всегда колеблются в неустойчивом равновесии.

И если вы позволите ей чувствовать себя виноватой в потере, связанной с вами, то вы жестоко качнете эти весы. Это для нее та самая «расставанья маленькая смерть».

Смерть...

А вот теперь, может быть, и страшновато будет однажды услышать:

– Я боюсь тебя потерять...

Потому что это – проверка: вы не потеряете себя? Не в брус-уиллисовских схватках с применением огнестрельного оружия. А на протяжении сериала длиной в жизнь. Безоружным по определению. Не пускающим в ход никаких, даже разрешенных, средств.

А главное – не позволяющим ей вас потерять хоть в каком-нибудь смысле!

Выдержите?

...Правда, вам ведь показалось, что она слишком быстро вернулась?

Не забывайте хоть иногда смотреть вместе с ней хорошее кино. Про любовь и подвиги. Ее кино...

За стеной прощения

Она однажды скажет:

– Я прошу у тебя прощения...

Или, если вы не рядом, эсэмэска такого содержания придет на ваш мобильный телефон.

Если вы не рядом, то это обязательно будет не звонок, а именно эсэмэска.

Вас не с чем поздравить. Всё хуже, чем вы могли представить.

Если вы играли в шахматы или хотя бы читали о тех, кто играет в шахматы, вам встречались эти слова-термины – несколько индийских, но большей частью немецкие. Среди них было такое – цугцванг.

Цокающее немецкое слово состоит из двух корней, один из которых означает «ход», другой – «принуждение».

Это очень интересная ситуация.

Вы вроде бы еще не проиграли окончательно. Не объявлен шах-мат, то есть угроза главной фигуре,

королю. Это, наконец, не патовое положение, когда не осталось ни одного безопасного пути отхода из-под удара – но при этом такое положение засчитывается как ничейный результат.

Цугцванг – это когда вы вынуждены делать ход, но любой шаг фатально ухудшает вашу позицию. Делать шаг нужно обязательно, но станет только хуже.

Есть, кстати, взаимный цугцванг – у обеих противостоящих сторон нет полезных ходов. Это по внешности – и по правилам – тоже ничья, но для вас ниче-го не меняет – вы тут всегда играете чёрными.

– Я прошу у тебя прощения...

Что бы вы ни ответили, как бы ни поступили – вам придётся смириться с тем, что на некоторое время будет всё только хуже. Эта партия вами проиграна вчистую. Цугцванг.

Да, вы поспешите ее успокоить – конечно, не переживай, я давно простил, забудем всё. И постараетесь торопливо, сбивчиво и горячо говорить ей, на ваш взгляд, вдохновляющие и ободряющие слова.

Это – на ваш взгляд.

У нее – другой. Совсем другой. Противоположный.

Чем больше вы будете демонстрировать великодушие, тем сильнее будете её ранить.

Чем более изящные и прекрасные слова вы подберете, тем мучительнее будет для неё контраст с тем конфликтом, который еще недавно был нестерпимым, и только сейчас формально завершается.

Вот признайтесь ей сейчас еще в ничуть не пострадавшей любви к ней, – и будьте уверены: она запомнит этот день навсегда как день жуткого унижения.

И такого унижения не простит вам никогда!

Унижения вообще не прощают.

Имена тех, кому это всё же удалось за тысячелетнюю историю, известны все до единого – откройте жития святых великомучеников и страстотерпцев.

«Никогда» и «навсегда» – в данном случае означает именно и абсолютно «никогда» и «навсегда».

Есть вопрос, который ураганом сдует напроочь всё ваше – как вам представляется, искреннее – великодушие.

И она знает, что вам нечего ответить на этот бритвенный вопрос:

– Что тебе мешало вчера (десять минут, час назад) остановиться и не доводить ситуацию до точки, за которой я вынуждена просить прощения?

Она может и не спросить так. В таком случае поздравьте себя: рядом с вами человек истинного великодушия и самоотверженности.

Но лучше бы она задала этот вопрос!

Задайте его себе сами – хотя бы один раз. Только не заламывайте при этом руки. Не демонстрируйте

справедливое возмущение праведника, посрамлённого в своем великодушии!

Она говорит правду.

И теперь – вне зависимости, вслух прозвучал вопрос или ваша совесть его задала – попробуйте просто, не сердясь, ответить.

Хотя бы в той же степени искренности, в какой вы только что громогласно прощали.

И вам станет стыдно.

Способности прощать не нужен повод, чтобы проявиться. Она просто не позволяет возникать таким поводам! И она не спит никогда, если присутствует.

Эта способность – обратная сторона другого дарования: готовности покаяться, попросить прощения, только почувствовав, что – виноват.

Не путайте слово «Прости» или его отвратительный вариант «Извиняюсь» с истинным покаянием, с настоящей просьбой о прощении.

Попросить прощения – это полностью отдать себя во власть тому, кого вы обидели.

Безоговорочно. Без предварительных условий.

Не рассчитывая на тюрьму поуютнее и плети послабее – только за то, что вы, как говорят дети, «перевее» признали некую истину.

Способность прощать – это отец в евангельской притче, сам спешащий навстречу бредущему блудному сыну и не дающий ему промолвить покающиеся слова!

Вы ведь действительно могли всё то же самое сказать вчера или час назад!

Не после, а до того, как состоялись ее слова, неосторожные и хлесткие, несправедливые и случайные.

И слова бы просто не прозвучали, и горе не распространилось, не захватило болезнью оба ваших существа!

Если бы ваша способность прощать была реальностью. Если бы великодушие было вашим свойством, а не оружием изодрённой мести!

...Вам нечего ответить.

Нет, конечно, вы готовы «разобрать партию» с этого... как его... с самого дебюта!

Что ж, разберите – итог будет тем же. Только признайтесь: вы просто возьмете тайм-аут, чтобы спрятать глаза, которые вдруг начинает нестерпимо жечь?

Свет очень яркий, а вы ведь плохо спали...

Вспоминайте, когда же уязвленное самолюбие застило вам свет и заложило уши?

Она что-то сказала такое, что показалось вам обидным. И при этом – таким очевидно обидным, объективно и юридически! Вы – обиженно – замолчали.

Вы не сомневались (и могли бы красноречиво это аргументировать), что вы правы, а она нет.

Может, даже она и сама прямо или косвенно это подтвердила.

Вам, конечно же, вспомнилась изящная французская салонная присказка: мол, если женщина не права, первым делом и как можно скорее попросите у нее прощения.

Вам эта французская куртуазность – вот где, поперек горла!

Потому что у вас тоже есть сердце. И оно болит тоже. От больших и малых терзаний.

И это не в первый раз. Это уже система. Зачем, когда всё нормально, грубить или обвинять на пустом месте?!

Да, вы держали себя в руках и не допустили чего-то оскорбительного. Напротив, вы жертвовали своей гордостью, вы практически пережили незаслуженный упрек, унижение!

Незаслуженно – вот точное и сладкое слово!

Вы не отвечали на грубости. Удержались от взаимных обвинений. Вы только попросили так с вами не разговаривать. И поставили ей в вину подобное поведение.

Ну, не в вину, а в досадное недоразумение. Ну, в общем, указали на это...

За что же вас???

За то.

За то, что вы вот тут такой неуместно и вызывающе правильный! И свою железобетонной логикой и безукоризненной правотой выстроили каменные крепостные стены. По всем законам фортификации.

Но стены всегда разделяют. И еще – очень злят.

Вы их не видите, а она ими придавлена, ей больно. И наверняка, ей всегда непривычно видеть вас там, за стенами. И неприятно.

И неважно, что это за ограда, внутри вы или нет.

Наш опыт учит: даже заборы лагеря разделяют два вида несвободы. И спор о том, кто «на правильной стороне» слишком философичен и безрезультатен.

А еще ваша показная безоружность – просто несокомерная наглость, не более чем свидетельство уверенности в стенах крепости.

Вы даже знаете слово «цугцванг».

Хорошо подготовились!

Но если не собирались воевать – к чему столько укреплений, шедевров тактики и стратегии военного искусства?

...Вы знаете ответ. Он вам не нравится. Категорически не нравится! Но другого нет.

Вы отделились и отделились от нее. Может, не успели заметить, но – отделились, обособились. Перестали быть с нею одним целым.

И главное – когда? Только вчера произошло или незаметно началось давно, а возник повод – и проявилось?

Но вы же обещали быть с нею и в горе, и в радости! Это вы помните. И наизусть повторите – в мирное время.

Но мирное время всегда кончается внезапно. Вы застигнуты врасплох, даже если много раз мысленно проигрывали трудные времена. Манёвры – манёврами, но война – это совсем другое.

И всё закручивается стремительно, вихрем, не оставляя мгновения на размышления.

Не по уставам, не по правильным методикам, а по жизни.

Работает только то, что существует в неизменно бодрствующем – как способность прощать – состоянии. Что всегда наготове, в нервах и мышцах.

Ваша способность прощать не прошла проверку внезапностью.

Готовьтесь отступать к сердцу, к столице, чтобы потом, пядь за пядью, возвращаться к оставленному рубежу.

Несправедливо?

Но когда вы обещали быть с нею в горе, разве вы имели в виду – в вашем горе? В том, каким лишь вы его понимаете? Которое, конечно, можно преодолеть, а то и шапками закидать?

Или всё же вы обещали быть с нею в том, что именно она воспринимает как горе? Горькое горе – вне зависимости от того, что высоколобо и несокомерно думаете об этом вы!

Вы бредете, как отступающие поредевшие побитые дивизии, пряча глаза.

Всей кожей ощущаете: на ваше отступление из глубин памяти вышли посмотреть все те, кого вы в жизни обижали.

Никогда еще вы не видели столько молчаливых людей. Не упрекающих вас, а просто провожающих вас взглядом.

Они великодушны. Они убийственно великодушны!

Вы идёте, а на горизонте – дым пожаров, он следует за вами.

Вы уйдете, а им оставаться. Этот дым вновь их накроет.

И вместо команды «Привал» вдруг:

– Я прошу у тебя прощения...

Если вы теперь до глубины своей души осознали, какое унижение она пережила, то стойте или сидите поникший и наконец-то всё остро чувствующий.

Желающий вновь быть единым с ней. Как тогда, когда вы стали одним целым. Действительно виноватый.

Или, если вы не рядом, и это помогло вам остро пережить откровение стыда, вы готовы бежать к ней, падать в ноги, просить любой кары – только бы она простила вас!

За унижение, что потерпела от вас.

Чтобы простила – значит, отказалась вершить то возмездие, к которому вы готовы.

Чтобы от прощения ей самой просто стало легче на душе. Простила – значит, взглянула на сложнейшую, запутанную ситуацию – просто.

Вы уже понимаете, что забыть произошедшее – трудно. Особенно если не простить.

Возможно, если вы до самой глубины прочувствовали то, что произошло, вы уже никогда не позволите себе с насмешкой относиться к евангельской заповеди: «Если тебя ударили по правой щеке – подставь левую».

Это заповедь о том, насколько жизненно необходимо прощать и быть великодушно прощенным.

Вас не ударили, но щеки горят.

Внутренне вы уже себе поклялись страшными клятвами: никогда больше! Вы твёрдо уверены: пережив такое очищение огнем стыда, вы навсегда урок усвоили. И никогда не повторится подобное!

Повторится.

Снова повторится практически всё – вплоть до отступления к столице.

История не только людей, но целых народов и стран свидетельствует: повторится.

Заповедь «Подставь левую» очень трудно исполнима. И для людей, и для народов.

Начните хотя бы с того, что – нечем гордиться, если вам довелось услышать:

– Я прошу у тебя прощения...

Не поговорили

Она однажды скажет:

– Ты со мной не разговариваешь!

Да, в этот момент вы действительно безмолвствуете.

С открытым от обиды и недоумения ртом.

В этот момент выражения «оглушающее молчание» или «кричащая тишина», казавшиеся литературной красотой, вам кажутся слишком буквальными.

Согласитесь: этот упрек вам – не в первый раз, так?

И не в первый раз вы пытаетесь перевести этот упрек на свой язык и до тонкостей ощутить, почувствовать, понять.

Вам всегда казалось: сто́ит проникнуть в его смысл – и вы поймете что-то очень важное. Что-то масштабнее этой немудрящей фразы.

И наконец полу́чите шанс извинить её и себя от периодических и очень болезненных недоразумений.

Вы правы в главном: это всегда – упрек. При всей нейтральности высказанных слов.

Упрек не будничной.

Это не замечание: «Ты опять не вымыл за собой чашку». И не пожелание: «Постарайся на будущее так не занавивать манжеты». И даже не ультиматум: «Я устала по двести раз повторять тебе одно и то же!»

Это сущностный, принципиальный, жизненный упрек.

«Разговаривать» – это гораздо больше, чем «говорить», «объяснять», «делиться», «сообщать», «высказываться».

Да вы сами это прекрасно знаете!

– Я с тобой больше не разговариваю! – так в бо-соногом детстве вы давали понять своему приятелю, что он вас очень обидел, и за это вы его лишаете чего-то важного и дорогого. И так поступить с ним, обидчиком, – в вашей единоличной власти. И эту власть вы сейчас применяете как последнее средство. Со всем пониманием действенности возмездия и со всем мужеством, доступным вам сейчас.

– Мы уже два дня с ним не разговариваем, – делится коллега семейными проблемами.

Вы, конечно же, не рисуете себе мысленно, что поссорившиеся супруги стали абсолютными молчаливниками. Как рыбы или давшие суровый обет монахи. Вы взрослый человек, и понимаете: «не разговаривая», они не переписываются на клейких листочках, цепляемых на холодильник. И, как минимум, скажут друг другу в течение дня: «Чайник вскипел» или «Я встречу детей из школы».

Мы каждый день разговариваем.

Со многими и о многом.

Со смыслом и без смысла. Впрочем, когда без смысла, это называется пренебрежительно «трепаться, болтать»...

– ...Ну, мы же просто разговариваем, – несколько смущенно, примирительно и оправдывая себя скажет вам коллега, готовясь покинуть ваш кабинет.

Он заглянул к вам просто покурить. У него не было цели прояснить, с вашей помощью, какое-то важное сомнение. Для формального оправдания того, что он вас отвлек от дел, он начинает спрашивать о чем-то первом попавшемся, случайном.

Вы, со всей деликатностью и серьёзностью, отвечаете, полагая, что от вас ждали вдумчивого ответа и просвещенного мнения. Но на полуслове осознаёте, что собеседник уже и забыл свой вопрос.

Он даже «потрепаться» не очень настроен! Просто докуривает и готов уйти.

На ваше недоумение он так и реагирует – взаимным недоумением: «Ну, мы же разговариваем!..»

Есть, наконец, «мужские разговоры».

Не те, которые – явно по недоразумению – именуются «мужскими» и превращаются в сальные анек-

доты. Анекдоты, которые разрастаются в чуть менее или значительно более скабрёзные комедии.

Нет, это разговоры-дуэли, почти рыцарские турниры.

– Нам нужно поговорить по-мужски!

Вам до тонкостей, до мурашек, до испарины на лбу и до постыдной слабости в коленях понятен этот пароль посвящения в мужчины.

Перевод прост: нам нужно выяснить, кто прав. Кто прав – тот сильней.

Не обязательно в драке, но непременно – в полном контакте, без условностей и свидетелей.

Пароль уже подзабытый и вытесненный приклатенным и примитивно агрессивным «Чё, пойдём-выйдем, что ли?».

В измельчавшем «на раёне» варианте он как раз звучит ровно наоборот: сейчас мы доходчиво и толпой покажем тебе, что ты слабей. А раз слабей – значит, неправ.

Разговоры по-мужски – это еще и та короткая, как выстрел, бардовская песня братьев Мищуков на стихи Левитанского, с трагичной, но светлой и очень мужественной кодой:

*Так и жили – наскоро,
И дружили – наскоро.
Не жалея – тратили,
Не скупясь – дарили...
Жизнь прошла, как не было.
Не поговорили...*

... И вот вы лихорадочно соображаете: в каком смысле она вас упрекнула:

– Ты со мной совсем не разговариваешь!..

Что она имела в виду?

Ну ведь не те, «другие» разговоры, которые вы никогда не поддерживаете. И относитесь к ним, в лучшем случае, снисходительно.

Да, их много, и они везде.

Они занимают завидно почётное и незаслуженно привилегированное место на радио и телевидении. На иностранный манер их называют ток-шоу.

Именно «шоу», то есть разговоры напоказ.

Когда единственная цель разговора – привлечь к себе публичное внимание.

Даже не одобрительное признание – а просто мелькнуть на экране. Зафиксировать: вот, я тоже есть на планете Земля!

Здесь принято не дослушав, перебивать, не поняв – оскорбить.

Можно даже чуть не донага раздеться или выдать страшную тайну – соседа или соседнего государства.

Но чтобы хоть на полчаса стать звездой!

Звездочкой. Метеором.

Персонажем, которого не вырезали при монтаже. Которому разрешили в прямом эфире улыб-

нуться, поправить челку, в идеале – сказать что-то умное или «от души».

Вам понятно, почему слово «шоу» часто соседствует со словом «стриптиз».

И есть еще это... реалити-шоу – неприбранная реальность напоказ.

Но вы ведь никогда не обидите ее, даже мысленно, предположив, что ей необходимо такое «поговорить»! Такое ток-шоу!

...Но вот она упрямо твердит:

– Ты со мной не разговариваешь!

И добавляет для убедительности: «вообще». Или – «совсем».

Или – «давно».

И теперь можете собрать в кучку все ваши примеры из детства, из жизни сотрудников и из бардовских гитарных переборов. И закопать, выкинуть.

...Вы в растерянности. Так и продолжаете сидеть с открытым ртом, набрав в грудь воздуха и не выдохнув.

Ну как же? Мы же недавно обсуждали новости родственников!

Вы скупко, но конкретно сообщали последние события на работе.

А полчаса назад вы подробно объясняли, как придётся выстроить выходные, чтобы успеть многое из давно запланированного.

Даже – и это вы тоже помните! – вы не забывали сказать, что она хорошо выглядела в том свитере. А новый лак для ногтей, отметили вы, был неожиданным, но вполне гармоничным.

Но можете обнулить длинный счёт из «обсуждали», «сообщали», «объясняли», «сказали» и «отметили».

Ваши подсчеты опять «не о том».

«Это», «это» и «это» в который раз в сумме дает ноль. Пустоту.

И эта пустота её ранит.

Чем? Да пустотой и ранит!

Вашей гулкой пустотой. Эхом – по определению равнодушным и не взаимным.

Настолько, что она решилась высказать вам свою боль упрёком...

Иногда, отчаявшись, устав от вашей сердечной тупости, но снисходя к вашему желанию «всё-таки понять», она в сердцах начнет подсказывать вам «правильные» ответы.

– Я всего лишь хотела услышать от тебя...

И вы вдруг ощутите себя ребенком, которому объясняют, в чем хитрость фокуса. Как надо было решать задачку. Как устроен мир.

И если вы благодарный ребенок, вы увидите – насколько фокус изобретателен, задачка – прозрачна, а мир прекрасен в своей простоте.

А если вы еще и самый настоящий ребенок, то вы

уже на первых словах взрослых не будете вслушиваться в «объяснялки».

Вы будете слушать, как возится в спичечном коробке майский жук. Его поскрипывание громче голоса отца, весомо что-то рассказывающего об устроительстве живой природы.

Вы восхититесь тому, как чудесно ломается хрупкий лед на весенней лужице. Хруст этой тончайшей льдинки под вашим ботинком куда интересней наставлений мамы о том, что нельзя промочить ноги, иначе опять заболеешь...

И вы так хотели бы – если бы тогда знали слова – подтвердить своим родителям: да, мир прекрасен и загадочен! Вы, взрослые, все правильно говорите – только не на том каком-то языке. Не про жука и не про льдинку...

Так чего же в ее упреке вы не понимаете?

Вот он – тот разговор, которым вы с ней «не разговариваете»!

Вы, такой ей дорогой, но в этот момент такой весь отстраненный от реальности, далекий-далекий...

...Вы думали, что ей всерьез нужны ваши рассуждения о тонкостях составления семейного бюджета? Стратегического планирования доходов, учета возможностей, рисков и угроз?

Да, вы долго думали и даже на это немножко учились.

Вы и цените себя за умение провести такой анализ!

А ей нужно было только услышать:

– Дорогая, не волнуйся, что бы ни случилось, летом мы поедим на море.

Но вы не о ее красивом загаре, новом купальнике, пенных брызгах и собираемых в стаканчик из-под лимонада камушках-ракушках думали, правда?

Вы хотели признания... нет, ПРИЗНАНИЯ вашего бесспорного умения вести ваш семейный корабль сквозь бури финансовых рынков и неустойчивости спроса-предложения!

...Вы полагали, что в ответ на ее вопрос: почему ты так мало зарабатываешь? – нужно было оправдываться.

И объяснять, почему шеф вот уже два года не повышает вам жалованье. Почему вы не можете сейчас сменить эту работу.

Рассказывать о мировой конъюнктуре, о ситуации в компании, сравнивать с аналогичным периодом прошлого года...

А ей нужно было услышать:

– Те шторы, что мы неделю назад видели, будут прекрасно смотреться в спальне. И картина, которую ты показывала мне в витрине магазине, очень здорово к ним подойдет. Ты молодец, присмотрела их дешевле, чем они могли бы стоить! Покупай! Хочешь, вместе сходим?..

... А еще ее иногда просто бесит, как вы пытаетесь выстроить фразу!

Ну ведь можно состариться, пока вы закончите словосочетание или всю мысль!

Вы-то хотели донести, не расплескав, всю полноту вашего замысла и вашего чувства. Чтобы она разделила эту полноту.

Но в душе – признайтесь! – вы хотели, чтобы она хоть чуть-чуть восхитилась вами. Ах, какой вы умный и понимающий. Образованный и работающий, в сумме – надёжный и заслуживающий всяческих поощрений...

Но пока вы несли эту чашу, она уже всё за вас договорила – мысленно.

Успела внутренне возразить. Услышала в ответ ваше возражение – она же вас знает, как облупленного!

И успела даже завершить эту длинную невыносимую перепалку.

В том молниеносном диалоге, что пронесся в ее голове и сердце, вы ее уже обидели.

Как всегда.

И вам нечего добавить к тем горьким словам, которые вы, сами о том не догадываясь, ей уже наговорили.

Кроме, разве что, сокрушенного и обязательно искреннего – прости меня, любимая...

...Но вы так напряженно и явно осуждающе молчите с неприлично открытым в недоумении ртом – и с ней совсем не разговариваете!

Закройте рот. Выдохните. Не громко, напоказ – здесь не шоу. Тихо выдохните.

Неглубоко вздохните. Ну и – давайте, то самое: прости меня, пожалуйста...

Вспомните всё: майского жука, апрельский лед на луже.

И добрых отца и маму, искренне – но очень по-своему – пытавшихся вам рассказать устройство мира.

Они очень хотели с вами поговорить. Но были не совсем с вами.

И сейчас, в этом недоразумении, перед вами была не она. Не та возлюбленная, с которой вы строите серьезные отношения взрослых людей.

Здесь оказались вы сами – тот ребёнок, наказывавший обидчика молчанием.

Игнорированием. Бойкотом. По-русски, – пренебрежением, отказом общаться.

Вас словно на минуточку окунули в ваше же детство.

Чтобы вы по-детски ясно и отчетливо вспомнили, почему тогда вы так поступали. Почему так верили в безусловную доходчивость вашего возмездия.

Вы отказывали в общности, в единстве, в тех

счастливых и грандиозных свершениях, на которые способна совместность.

Вот и она только что просто подала вам недвусмысленный знак: вы где-то не здесь.

Не рядом.

Вы даже держите её за руку, как тогда вашу держали взрослые родители, но ваше существо не с ней.

Сейчас или вчера это произошло, но она до сих пор чувствует.

Да, может, ей вообще померещилось, что вы вдруг не рядом и она с вашей помощью хотела в одно мгновение себя же опровергнуть.

Вы помогли ей в этом?

...Тогда, в детстве, вы очень хорошо ощущали, насколько тяжела, а подчас невыносима разделенность.

Когда с вами не хотят вместе лепить снеговика или – кто выше? – раскачиваться на качелях.

Или наоборот – когда вы не берете обидчика в поход на соседский участок за ягодами или к озеру.

Ощутили заново? Не совсем? Ну, тогда еще посидите, подумайте, а то и в углу постоит.

Если вы очень хотите фундаментальности, а не всей этой житейской относительной смекалки, что ж...

Вспомните великие в простоте своей слова: «Если не будете, как дети, не войдете в Царствие Небесное...»

...Она не сердится на вас. Давно. Если вы это заметили в приливе самоуглубленности.

«Мирись, мирись, мирись... и больше не дерись...»

Запомнить нужно простое: никогда не игнорируйте этот важный знак того, что она не чувствует вас рядом:

– Ты со мной не разговариваешь!

А вот теперь говорить не нужно. Можно и помолчать.

Но обязательно – вместе.

Когда вместе – слова не обязательны.

Бесконечность щедрости

Однажды вы ей скажете:

– Мы же с тобой договаривались!..

Это вы плохо сказали.

Не просто бестактно или рискованно. Вы сказали очень плохо, и последствия будут трагическими!

Вы могли сказать еще хуже – имея в виду абсолютно то же самое.

Например:

– Ты мне обещала, что...

Или совсем самоубийственно:

– Я не просил, но ты сама дала слово, что...

В том очистительном огне, который непременно возгорится, необходимо побывать.

«Кто не был, тот будет, кто был – не забудет»...

– Да что я такого сделал? – недоумеваете вы.

Всего лишь напомнили ей о неких добровольно и взаимно взятых обязательствах.

Правилах, установленных не вами единолично, а обоюдно.

Не в торжественном зале загса, не перед церковным аналоем, а в очень доверительной, интимной обстановке.

Всего лишь...

Вы страшно, фатально заблуждаетесь!

Только что вы попытались обеспечить комфорт или большую фору каким-то своим поступкам.

Или дали себе право на осуждение её поступков.

В конечном счете, вы что-то сделали для себя и значит – против неё?

... Да нет же! – раздражаясь, защищаетесь вы.

Просто ни в отдельно взятой стране, ни в отдельно взятой семье невозможно жить без каких-то правил, ориентиров, без того базового, на чем строится каждый день и вся жизнь. Иначе – анархия и произвол.

Вы горячитесь.

Этих правил немного, и все они – результат трудного компромисса, на который вы – оба! – сознательно шли ради мира и согласия.

Да, мы их, случается, меняем, эти правила. Чаще, чем жилконтора – начальников.

Но какое-то время они действуют?

Наконец, они отличаются от принятых в других семьях, и пусть! Ведь мы их создали вдвоем и для себя. Это наши правила!

Нет, это ваши правила.

Вот и исполняйте, сколько хотите, на здоровье!

...Это вы договаривались о встрече на бульваре в 17.00.

Вы очень хотели ее видеть и считали минуты до встречи. Считать минуты – нормально. И даже романтично.

А она хотела прийти такой ослепительной, такой неотразимой и уникальной! И очень старалась! Не как бухгалтер со счетами, а как художник!

Вы художнику прощаете его бытовую нескладность, видя его творения?

У вас есть знакомый художник? Он разве не рассказывал вам об очень интересной закономерности: если, создавая картину, вы будете думать, экономно ли выдавливаете краски на палитру, ничего не напишется! Когда прилив вдохновения – дави ты эту лазурь и кобальт со всей мочи, не отвлекайся!

Вы ведь кивали ему – это так объяснимо. Логично. И романтично!

Почему же здесь вы так мелочны?

Или ваша радость от предвкушаемой встречи невозможна без соблюдения распорядка дня?

Вы ждали возлюбленную или командира части?

Может, вы просто устали? Но это совсем не повод вымещать на ней, такой красивой, своё раздражение и усталость!..

... Она вам обещала, что никогда больше не хлопнет дверью?

Никогда в порыве гнева не нальет себе рюмку и не хлопнет ее залпом, если разговор заходит в тупик?

Ничего она вам не обещала!

Вы тогда вынудили её сказать какие-то слова.

А она просто возвращала мир в дом, когда вы упрямилась, защищая какую-то свою прихоть, называемую правдой.

Потом, когда отлегло, она оценила сама: ну, в общем, не совсем это красиво. Не надо хлопнуть дверью. Не обязательно хлопнуть рюмку...

Но ведь вы зафиксировали только финал – а значит, воспользовались ее усталостью, временной беспомощностью и еще – своим самовластьем, своим правом сильного и «правильного»!

А теперь мало того, что тычете ей в лицо гадки-ми воспоминаниями, упрекаете её, – вы еще хотите ту сомнительную и нечестную победу закрепить как закон?

Вы сами-то будете исполнять хоть какое-нибудь слово, данное под дулом пистолета?..

... Вы были в восторге, когда она сама, без всякой инициативы с вашей стороны, вдруг провозгласила: ссориться нужно только по конкретному поводу. И если проявятся какие-то разногласия, она никогда не припомнит вам ошибки прошлой жизни и шлейф уже пережитых ссор. Всякое недоразумение будет изживаться без перечисления заново «взаимных болей, бед и обид».

О, как вы тогда готовы были восхититься её мудростью и великой женской способностью прощать! Прежде, скорее всего, вам этого очень не доставало, и тут – такой подарок судьбы!

Но почему же вновь и вновь она отбирает свой же собственный дар? И всякий раз при ссоре, что бы ни становилось поводом, вы вновь и вновь слышите о прошлых ссорах. О вашей прежней никчемной жизни. О том, что вы всегда были такой...

За что?

Зачем было давать великодушное обещание – и так вероломно, в самый неподходящий момент его нарушать?

Ответ вас, конечно, не устроит.

Точнее, ни один из очень разнообразных вариантов ответа.

– Ты был тогда такой несчастный, страдающий,

обманутый. Тебя нужно было утешить. И ты очень хотел это услышать...

– Тебя твои ошибки ничему не учат! Ты наступаешь на те же грабли! И сейчас пытаешься применять ко мне то, что и в прежней жизни привело тебя к полному краху. А я другая и не хочу быть очередным примером твоих ошибок...

– Ты был другим! Куда делось твоё понимание и прощение? Почему ты мне запрещаешь то, что позволяешь себе?..

Но каким бы ни был по форме сегодняшней ответ, его суть, содержание – неизменно.

Вы хотели превратить в индугенцию ее живой дар, очень уместный тогда, когда он был принесен!

Вы забыли – нет, вы намеренно хотели забыть! – что те слова были органичны только в той ситуации. Но вы вложили в них абсолютное содержание, на века.

И из всего, что шло от ее сердца, запомнили только так необходимое вам слово «никогда».

Фактически вы хотели из ее душевного порыва сделать себе абонемент на прощение!

Ваша математическая логика опять вас подвела. Вы хотели получить бесконечность, складывая очень простые конкретные числа и прибавляя ноль, в который на тот момент обратилась ваша чуткость к ней.

Но вы теперь заслуженно получаете ноль, пустоту. И хорошо, если только ноль, а не «минус».

...Если это открылось вам, самое время устыдиться и пойти до конца в разборе ваших – нет, не полетов, а ваших падений.

Вы наказаны не только за то, что пытались требовать некоего долга по жульническим ростовщическим счетам с разорительными процентами.

Не только за то, что ее искренние дары вам – может, легкомысленные и не оправданные реальными силами – сделали орудием принуждения. То есть несвободы, смертельно опасной для человеческих отношений.

Главное: вы расписались в том, что вам не знакома истинная щедрость.

...Никогда не доводилось размышлять – почему женщины так высоко ценят в мужчинах щедрость? И что они под этим понимают?

Она готова закрыть глаза на любые недостатки избранника, даже всем известные и вопиющие. Она будет яростно защищать его перед всем светом, даже если окружающие и уважаемые вами люди считают его законченным мерзавцем.

Она может с ясным взором и высоко поднятой головой идти навстречу очевидной гибели. Что, к вселенской горечи, происходит чаще, чем можно представить...

Только не опускайтесь до цинизма: речь не о во-

шедшей в пошлые анекдоты меркантильности женщин, ощущающих себя на содержании. Не о морально изуродованных хищницах.

Чаще всего как раз скромница, не избалованная, не осыпанная золотом и бриллиантами, сама жертвенная и готовая отдать последнее, – она понимает и чувствует щедрость, в отличие от пресыщенных кокоток.

Жертвенная сама – она будет благодарна за самые малозначительные проявления истинной щедрости.

При этом – открыто и подчеркнуто презирая набитую барахлом и показным богатством жизнь «сыра в масле».

...В жизни женщины, скажем, был неприятный опыт совместной жизни. И с тем человеком они расстались нехорошо, с обидой.

Вы безошибочно определите, что тот человек ей до сих пор неприятен. Она всегда помнит и при случае обязательно помянет оставленного ею – или оставившего ее – примерами скупости и мелочности.

То есть отсутствием щедрости.

Она, вспоминая это в сотый раз, не упустит ни одной детали.

Если кого-то вспоминают как скупого или мелочного – нет большего и точнейшего приговора былым отношениям.

А вы? Вы полагаете себя щедрым?

В чем? В том, что в большом магазине быстро и размашисто, как ковбой – свой смит-вессон, вы расстегнули кошелек, едва ваша спутница задержала в руках какую-то вещь?

В том, что в порыве желания сделать ей приятное купили первую попавшуюся дорогую безделушку, килограммами – фрукты, большие коробки сладостей или что-то еще?

Забудьте! И молитесь, чтобы она хоть когда-нибудь это забыла!

Неуместно и торопливо разинутое вами в магазине портмоне обидело её настолько, что она не раз вас этим упрекнет. Справедливо упрекнет.

За тщеславие. За попытку купить ее расположение. За превозношение.

За имитацию истинной щедрости!

Она внутренним чутьём, практически на уровне инстинкта умеет различать: щедрость – и простую готовность проявить признаки достатка, щедрость – и суетливо-тщеславное воплощение того, что даже не успело оформиться в желание!

В этом своем даре всякая чувствующая, благодарная и совестливая женщина – истинная христианка.

Даже если стороной обходит храм и язвительно отзывается о нестроениях в церковной среде.

Она, в отличие от поверхностных толкователей,

сердцем понимает слова Спасителя: когда творите милостыню, пусть ваша правая рука не ведает, что делает левая.

Бесчувственные, не очень умные, а главное – жадные люди давно извратили великий смысл этого наущения. Они готовы перевести эти слова либо как медицинский диагноз раздвоения личности, либо как постановление счётной палаты о полном беспорядке в чьих-то хозяйственных делах.

– Там у них в конторе полный бардак, начальник не контролирует подчиненных, там левая рука не знает, что делает правая!

Этот злобный перевод – больше, чем нелепость или невежество. Это оправдание расчетливости как высшей добродетели.

Это оправдание не-щедрости.

И милостыня жадными людьми, вопреки исходному смыслу, давно переводится как «подачка», «секонд хэнд».

Учитель же говорил о любом добром деле (именно так и переводится слово милостыня), а главное – об умении и таланте отдавать, то есть о щедрости.

О том, чтобы светлое, исходящее из глубины доброго, милующего сердца намерение отдать, поделиться, одарить исполнялось немедленно, не успев добежать до головы, с ее калькуляциями, математическими формулами и рациональными дебет-кредитами!

Чтобы ты даже сам себе не успевал словом сказать – вот, это мое хорошее и правильное, морально высокое стремление быть щедрым. И я его воплощаю. Творю, так сказать, милостыню.

От вас ждали доброго дела, которое вы сами себе не вменили в доброе, а вы – с подачкой... Да еще мысленно в дневнике славных поступков галочек наставили. Кому предъявите?

Щедрость – это то, что возникает до того, как вы полезли за деньгами в карман.

Это то, что оставляет одаряемого свободным.

В том числе от благодарности.

Быть благодарным – очень трудно! Как учил древний философ, благодарный человек слишком дорого себе обходится...

Вот попробуйте сказать, что этого вы не знаете!

Щедрость – это другое название любви как готовности стать источником добра, за которое не просят воздаяния. Тем более – не принуждают к взаимным дарам.

Если вам так уж близка математика – пожалуйста! Это только школьникам не разрешают делить на ноль.

На более высоком уровне математики деление на ноль возможно, и оно дает бесконечность.

Ноль ваших ожиданий взаимности – и вот она, бесконечность щедрости.

Бесконечность любви.
 ...Но вы ведь уже произнесли это:
 – Мы с тобой договаривались...

.... Может, тех журавлей?

— Чего сейчас ты бы хотела? Что тебя порадовало бы?

После любого из этих вопросов в воздухе повиснет пауза.

Она смущена.

Но не обманывайтесь возникшей тишиной.

Она не формулирует свои пожелания, не выбирает из нескольких вариантов, не калькулирует суммы и не составляет меню праздничного стола.

Она молчит, потому что сдерживается.

Если не сдержится – может наговорить вам такого, к чему вы абсолютно не готовы.

Если незадолго до вашего вопроса был не самый приятный разговор – может даже заплакать от обиды.

Она расстроена.

Внезапно, незаслуженно и горько.

И причина ее расстройства – вы.

Ну что за напасть! Снова, как слон в посудную лавку, вы вломились со своей – нет, не логикой, а тупостью.

И еще вы – жестокий и самолюбивый.

...Вы еще не все тяжкие совершили. Но, если не опомнитесь, можете однажды совершить.

Когда, например, спросите ее:

– Как бы ты хотела провести свой день рождения?

А вот в этот момент лучше было бы вас поколотить. Чем под руку попадет.

Не фигурально, а в действительности, с настоящими оплеухами.

Чтобы вы после взбучки выглядели так же плачевно, как горе-жених из классической советской кинокомедии. Облитый вином и со сломанной гвоздикой за ухом.

Вы так и будете выглядеть! При этом оправдывать себя по всем статьям и возмущаться обрушившейся на вас откровенной грубостью, и сами с собой разговаривать: «Слушай, ничего не сделал, только вошел!..»

Еще как сделали!..

– Чего ты сейчас хотела бы?

Вы обнаружили свою космическую отдаленность от нее.

Вы её не знаете. Не чувствуете!

И совсем не хотите узнать и прочувствовать ее состояние, ее жизнь, ее всю, целиком. Даже не пытаетесь! Пусть неловко, но искренно...

Говорите теперь, кому хотите, что вы «всего лишь»

ожидали внятной откровенности и простоты.

Такой же внятности, с которой задавали вопрос, полагая его прямым, простодушным, предупредительным.

Предупредительность – это другое.

Это, когда вы увидели, что ей неудобно, не спрашивая: «Тебе подушку дать? Большую или думку?», а до всех расспросов и просьб принести то, что нужно, и подоткнуть ей под локоть.

Молча.

И уйти, не позволяя проявиться ее благодарности.

Предупредительность – это ведь всегда и ненавязчивость.

Она это знает твердо, вы – нет.

Это сложно? Но ведь так делали мама и бабушка, когда вы – по болезни или от усталости – задремали в кресле или просто хотели побыть наедине со своими переживаниями и думами.

Вам сразу было удобно и очень хорошо. Вы не успевали даже подумать – а какого размера подушка или какой толщины плед были бы сейчас в самый раз?

Мама и бабушка вас любили и знали ваши привычки и предпочтения. И даже каким-то чудесным, как вам казалось, образом угадывали только-только посетившие вас неожиданные капризы.

Как вам это нравилось! Как это было необходимо и тогда, и уже сегодня, когда вы оживляете в памяти воспоминания, способные подбодрить, придать жизненно важной уверенности, что вы не пустяшный, не самый распоследний человек.

Вы это всё знаете глубоко и наверняка. Без сомнений.

Так обопритесь на это абсолютное знание – и сделайте!

Но вы же:

– Что бы тебя сейчас порадовало?

Задай вам этот вопрос, когда вы предаетесь теплым обломовским воспоминаниям о детстве – вы обязательно вспылите.

А она тем более вспылит!

И как ей остаться спокойной, если в этот момент она видит, как на глазах, мгновенно и до пепла сгорело ее светлое воспоминание!

В эту секунду гибели, безусловно, оно стало самым светлым, самым дорогим и, словно святыня, хранимым в сердце. Воспоминание о том, возможно, совсем недавнем и, не исключено, быстро промелькнувшем времени вашей весны. Шутливо именуемом «конфетно-букетным периодом».

Вы тогда не сразу запомнили, что прямолинейные и шаблонные, как американская улыбка, красные розы, да еще и срезанные – ей не нравятся.

Ей нравятся цветы в горшках. Такие, какие вы второпях, в придорожном киоске не купите.

Она прощала вам неловкость, принимала и поспешные, на бегу купленные и на следующий день гаснущие розы – как знак искренности, но исподволь, стараясь не задеть ваших чувств, давала понять или впрямую говорила – что именно ей по душе.

Чем вы слушали? Чем теперь слушаете? И сколько вам нужно уроков, чтобы вы всё уяснили?

И «Рафаэлло» с дорогущим «Бэйлисом» или анекдотным «Амаретто» уже тогда надо было оставить рекламным глянцево-влюбленным, томно вздыхающим и ужас как романтичным. Как и всякие там высокомерные французские вина немислимых годов урожая.

Она любит простые конфеты «Коровка». Но не те, что просто вареное с сахаром молоко. А такие нежные вафельки, в которых начинка со вкусом топленого молока. Там еще шоколадная глазурь таким тоненьким слоем, и обёрточка такая золотистая с зеленью.

И ей приятнее обычная неромантичная водка. Не из дорогих магазинов. Простая водка. Только чтобы холодная была. С маленьким маринованным огурчиком-корнишоном, узенькой и прозрачной ленточкой сала из морозильника. Хлеб чтобы самый простой и чёрный.

Ну и тонюсенький ломтик лайма в рюмке. Не лимона, а именно лайма. Это важно.

И чтобы не с горя выпить, а за что-то хорошее – и тогда не залпом, а по полрюмочки.

Но вы пожалели душевного тепла, сил пожалели. Пожалели себя. Не её.

Не захотели даже тупо повторить вызубренное – не то, что пойти дальше.

Хотя могли быть внимательными постоянно. Настороже, как хороший разведчик, внимательно, по крупицам, извлекающий ценные сведения из случайно оброненных ею признаний.

Вы наверняка знали бы – чего ей хотелось бы и что ей бы понравилось в разных состояниях, если бы всё время, что вы с ней, были именно с ней, слушая, чувствуя, запоминая, проявляя простую чуткость...

– Чего бы ты сейчас хотела?

Знаете, что самое обидное в этом вопросе?

Вы в этот момент даже не хотели знать точный ответ – вы хотели не ошибиться.

Потому что, случалось, – ошибались. И не получали желаемой награды.

Конечно, вы же не наш разведчик, а чужой шпион! А шпион никогда не узнает военную тайну. Разведчик – может. Шпион – нет.

Так и вы неправильно толковали посылаемые ею сигналы.

Вы и прежде пытались напрямую и неуклюже ее выспрашивать.

Заблаговременно.

Она без труда раскусывала ваши младенческие хитрости – и отвечала вам, но говорила то, что вы хотели услышать.

Она старалась облегчить вам труд. Потому что ваш интерес и тогда был трудом, а не милой непосредственностью.

Она видела, что вы искренне хотите ее порадовать, но в тот момент ваше стремление было нестати. Ей, скорее всего, просто хотелось побыть одной.

Уступая вашему благородному порыву, она называла вещи и адреса, которые вам понятны и приемлемы.

Может, то, что вы тогда услышали, просто было предметом только что увиденной рекламы или недавних разговоров с подругами.

Может, она просто пробовала эти слова на слух!

Разве вы не знаете, что это за ритуал – Женщина, Примеряющая Что-то? Это таинство – она пробует всё на вкус, на слух, на цвет и линию. Может, она, произнеся: «Мне нравится Шанель номер пять» – просто слушала свой голос. И проверяла, достаточно ли это ярко прозвучит в разговоре с приятельницей, которой обязательно надо показать, что ее двояродный племянник был совершенно неправ, отказавшись от роли жениха, посчитав себя просвещеннее и аристократичнее...

...А может, всё проще – и она что-то бросила вслух, лишь бы вы быстрее и надежнее реализовали честолубивое намерение. И, простите, отстали от нее.

Вы этим были вполне довольны. Потому что хотели быстрой награды – себе.

За предупредительность, готовность выполнить любое желание, уважение, заботу.

В сумме – за нежную любовь.

Это у вас в сумме получалось, как в кассовом чеке, в строке «ИТОГО».

И вот теперь вы снова захотели, чтобы – наверняка. Без ошибки.

Вы что – вор с отмычками? Или всё-таки не чужой, а значит, есть у вас не фомка, а настоящий ключ – с подаренным ею брелоком-сердечком?

Какого золотого ключика к своему сердцу или к своему настроению она вам еще не дала?

Даже Буратино, хоть полностью деревянный и совсем беспутный, добыл свой ключик. А вам же больше дано! Не просто больше, а всё!

Она вся перед вами и всегда была рядом. Чего же именно недостаёт?

Если от каких-то комнат и не выдала ключей, то не дай вам Бог туда и с отмычкой добраться...

Обидную невнимательность вы усугубили. Вы совершили то, чего, даже по учебнику для четвертого класса, мужчина делать не имеет права.

Вы переложили на нее ответственность!

Выбор вы должны были сделать сами.

Именно так – весомо, властно, основательно, как должен поступать мужчина.

Да, за нее! Практически ничего не спрашивая – в слове.

Все ее возможные ответы, реакции, эмоции должны быть у вас в сердце. И быть отлиты в ваше решение – и она примет его как своё.

Потому что в этот момент, больше, чем в какой-нибудь другой, она и будет той принцессой из своих девичьих грёз, которую спас от дракона принц.

В славянском языке было роскошное слово «глаголати». Корни слова – в древнегреческом. Его буквальный перевод таков: «полагать справедливым, а потому – требовать». Только такой глагол жжет сердца людей. В нем сила, вера, власть.

Вы должны были глаголати!

...В крайнем случае, могли предложить два равноценных варианта решения. Чтобы в ответ ей осталось односложное: «да» или «нет». Впрочем, «нет» – это аналог «я секундочку подумаю перед тем, как сказать да». Или – «уважающая себя женщина не имеет права говорить да в ту же секунду, в которую ей задан вопрос»...

Вы ей такой возможности не оставили! По вашей немилости она вынуждена отвечать на невыносимые, проклятые вопросы. Не подъемные для человека, да и для всего человечества: что такое «хорошо на душе» и как его достичь в повседневных условиях?

И всё – из-за вашей нерешительности.

Если терпите правду – из-за вашей трусости и желания получить много больше, чем заслуживаете.

Получить немедленно, без труда и терпения. Без набитых шишек и кровавых мозолей.

А нерешительность у вас – из-за того, что вы ее не понимаете!

Не знаете ее элементарных желаний и переживаний.

Не хотите знать, становясь неожиданно слепым и глухим!

Впрочем, она уже это вам сказала. В самом начале. Если вы опять не расслышали или услышали другое – это уже ваши проблемы.

...Меняются уклады и цивилизации, но во всех уголках мира, разделенные земными и культурными границами, болит сердце женщины: где он, который придёт, в охапку возьмет – и вытащит из будничности!

Сегодня и сейчас.

В этом кромешном беспроблесном году.

Вообще когда-нибудь!

Только глухие и слепые, слабые и жадные мужчины считают этот вопль смешной несбыточной фантазией, навеянной сказками и дамскими романами.

Нет! Реальней этих «фантазий» и нет ничего! Потому что всё в этом мире делает реальностью только она сама.

Он придёт, властно вытащит ее из ада безнадежно запутавшихся и постылых отношений. Отношений, в которых уже давно нет, а может, и не было никогда искренности и теплоты.

Молча или сказав только самое необходимое, увезёт, уведёт, украдёт.

Не убоится ни ее страхов, ни завистливо-осуждающих взглядов посторонних, ни смертельной озлобленности обиженных преследователей.

Она будет трусить, царапаться, лепетать что-то... Но он ведь тот, кто знает истинную цену этому лепету!

Он не идеален ни фигурой, ни лицом, ни человеческими качествами.

Ей и не надо! Идеальным она сама его додумает и благодарно выстроит! Все его реальные черты она и превратит в идеальные, образцовые.

Просто потому, что он – мужчина. Он единственный. И только эта осязаемая единственная реальность, а не сумма умозрительно отмечаемых, рассыпанных в сотнях мужчин прекрасных свойств, позволяет ей быть женщиной.

Она будет слушать хриплый, очень мужской голос в динамике: «Что тебе подарить? Может, тех журавлей?..» И примет этот подарок.

Луну и звёзды, закаты и речные всплески. Тех журавлей.

Это – проявления, приложения. Ведь в подарок она уже получила больше всех богатств мира – себя!

Себя, ставшую вдруг вновь способной, как в лучшие дни детства и юности, восхищаться этими журавлями, звёздами и закатами.

Себя, воскресшую после, казалось, безнадежной смертельной рутины, в которой она начала себя терять и даже смиряться с этим.

Себя, рожденную женщиной, но ощущающей эту проявляющуюся полноту жизни только рядом с мужчиной.

Если он грубоват – ей так легко будут даваться нежность и мягкость.

Если посмеется простенькой шутке – она лучезарно будет хохотать и веселиться от любой забавы.

Если он властен – ей так уютно будет просто слушаться и называть его уменьшительными именами.

Если внимателен на обиду, заносчив и высокомерен – она всегда спохватится и успеет убрать инстинктивно выпущенные коготки в мягкие подушечки лапок...

Но он всегда придет и скажет – пойдём, там хорошо. Она поверит сразу и безоговорочно – и конечно, найдет хорошим то место, куда он ее привел.

Потому что хорошо – это там, где с ним.

Она в эти минуты и часы не одинока, а значит счастлива.

И какое-то время даже сможет переносить временную, периодическую разлуку с ним. Ну, потому что ему надо по делам. Или потому что он уже женат и ничего не хочет радикально менять...

Он сам тот журавль в небе. Уж не синица в руках, точно.

...Если вы синица, вам никогда не стать журавлем.

Разве что она сама произведёт вас в это звание. Когда-нибудь. Успех не гарантирован.

Более того, чаще всего суммой многих слагаемых будет выходить ноль.

И ноль в сумме будет именно тогда, когда вам покажется, что вы взлетели на ту высоту, на которую синицы не поднимаются. Только журавли.

Самое худшее, что вы можете сделать, – попытаться вырядиться в журавлиные перья. Не делайте этого, от этого ей только больнее. Это пародия на ее самое сокровенное.

Но сложить крылья – недостойно и синицы. Всё, даже Небеса, берётся усилием, упорством. И только упорные могут рассчитывать на Небесные откровения.

Попробуйте остаться настоящей синицей.

Настоящей – то есть не задающей вопросов:

– Что бы тебя сейчас порадовало?

«Черное с белым не берите»

Однажды она спросит:

– А за что ты меня любишь?

Спросит, словно невзначай. Внезапно. Хотя, казалось бы, вы только что совсем о другом беседовали.

Будет лучше, если вы окажетесь готовыми к ответу.

Может случиться, что это важнейший ваш разговор на обозримое будущее.

Не потому, что вам улыбнулась фортуна, и вы вот-вот «сорвете джек-пот».

Как раз наоборот: подарком судьбы станет, если вы уклонитесь от сокрушительного разгрома.

Потому что всё, что вы скажете, вы скажете невпопад.

Если попытаетесь точно ответить на поставленный вопрос.

Единственно верным является полный и навсегда, без исключений, уход от словесного ответа. Подробного или краткого.

«Плюс ноль».

Со знаком плюс – обязательно.

В какие слова, жесты, шутки, глубокомысленное молчание вы облечете этот уход от ответа – неважно. Будьте талантливы и изобретательны.

Если у вас нет чувства юмора – доброго, светлого, жизнерадостного юмора, то в этот момент об этом отсутствии чувства юмора вы узнаете абсолютно точно.

Если вы – редчайший представитель мужского племени, однажды нашедший безукоризненный выход из этой провокации, то вам с нами дальше неинтересно будет.

Вам и так где-то поставлен памятник при жизни.

Или ваши книги цитируют и помнят наизусть.

– За что ты меня любишь?

Это вопрос-ловушка. Невинная, беззлобная, в чем-то даже игривая.

По внешности такая же, как философско-словесные игры, которыми забавлялись и древнегреческие мыслители, и ученики начальных классов.

«Да» и «нет» не говорите, черное с белым не берите»...

В старших классах умники уже забавляются вопросом, вычитанным из популярных психологических книжек: «Вы перестали бить свою мать?»

Ответите: да – значит, били?

Ответите – нет, имея в виду, что и не начинали, – но, по логике закрытого вопроса, выходит – продолжаете бить?

Односложного ответа нет. Всякие объяснялки выглядят как жалкие оправдания. С каждым словом – всё глупее. И чем дальше, тем туже и туже затягивается на вашей шее удавка...

Коварство вопроса «За что?..» – как раз в его невинной наивности.

И если померещится, что сейчас она готова сыграть с вами по вашим правилам, в математику-логику, и предлагает вам предъявить одну из дорогих вам формул, – придется горько раскаяться.

Если где-то, когда-то, в иных ситуациях вам еще прощалась «проверка алгеброй гармонии», то здесь совсем не простится.

Как только вы возьметесь отвечать всерьез, да еще с перечислением – вы ее огорчите и озадачите.

Заставите усомниться в том, в чем сомневаться она никогда не должна.

Потому что она всего лишь хочет, чтобы вы любили ее такой, какая она есть.

Но при этом никогда не сказали: «Я люблю тебя такой, какая ты есть».

Она безошибочно поймет, что, сказав так, вы прячетесь от света.

Вам есть что скрывать? В важном, только ее касающемся?

О, тогда вам пригодится всё, что вы когда слышали и прочитали о том, как должны вести себя несгибаемые герои на допросах с пристрастием.

Вы чувствуете себя таким героем?

... А какая она есть?

А она есть единственная и несравненная.
Цельная и неделимая.
Не разложимая в своей цельности на мелочные «за что».

Она хочет, чтобы вы ее любили.
Она лучше кого бы то ни было знает свои недостатки.

И частенько даже говорит о них вслух.
Но печальна ваша участь, если вы не то что хоть чуть-чуть с нею согласитесь, а если вы позволите себе глубокомысленно и мудро молчать на этот счет!

Да что вы можете об этом знать?
Ей одной известен пройденный ею жизненный, безусловно, трудный путь, результатом которого стали какие-то привычки и пристрастия.

Это путь переживаний.
Как вы можете ее хоть в чем-то упрекнуть, если на ее пути попадалось так много горя и несправедливостей, а вас, способного и готового защитить, там не было?

Да кто вы такой, чтобы даже великодушно прощать то, к чему притронуться мыслью не имеете права?!

И не смейте снисходительно шутить! Ваши шутки глупы и неуместны...

...Конечно, она хочет, чтобы вы ее любили, подчеркивая и благодарно поощряя те её особенности, которые она сама считает достоинствами.

Только не вздумайте усердствовать в «анализе»!
Она не только свои «недостатки», но и достоинства никому, тем более – вам, не позволит называть вслух!

Потому что такой пристальный взгляд делает ее беззащитной, как просвечивание рентгеном.

Потому что, назвав одно, вы упустите сразу десять.
И вообще, любое произнесение вслух принизит величие достоинств, мгновенно разрушит нюансы.

«Мысль изреченная есть ложь» – читали? Молчите лучше...

Здесь важно ни при каких обстоятельствах не забыть главное – она сама так считает. Это ее и только ее формулы, если уж вам так хочется говорить о формулах.

Но вы полны решимости. И к тому, что она знает про себя, готовы добавить своё мнение.

Вы даже надеетесь – нет, уверены уверенностью любящего! – что это ваше мнение пронизательное и точное, и совпадет с ее ощущением и ожиданием.

Вы готовы играть в эту рулетку?

Вы действительно уверены, что чувствуете всю ситуацию, не суммой, а целиком?

Знаете точно и полно, какие сегодня у нее были мысли, как они связаны с ее самочувствием, с недавней телефонной беседой с подругой, делившей-ся своим очередным горем?

Знаете, что ей снилось сегодня – и что это значит по соннику?

Знаете, какие воспоминания вызвала прозвучавшая из радиоприемника песня о трагической любви?

Наконец, вы сможете представить, какие чувства посещают ее сейчас, когда она смотрит на кухонные занавески и, задав вам серьёзный вопрос, одновременно вспоминает, давно ли она их отправляла в стирку, не пора ли повторить и какой порошок будет лучше?..

– За что ты меня любишь?

Русская рулетка. Смертельная. Курок уже взведен. Осталось нажать на спусковой крючок.

И вы правильно медлите.

Потому что, в отличие от офицерской самоубийственной забавы, сейчас в барабане револьвера не один патрон, а сразу все семь!

Не вздумайте воспользоваться ее вопросом как возможностью высказать что-то давно прочувствованное, а то и – выстраданное!

Оставьте на любое другое удобное время. Даже если вы твёрдо знаете, что удобного времени для вас высказать накопившееся – не будет. Все равно – оставьте!

Не о вас вообще речь на этом переломе истории.

И уж конечно, нелепо использовать этот повод, чтобы лишний раз польстить, наговорить комплиментов.

Кто-то когда-то сказал пошлость – мол, женщины любят ушами. Если вы еще не убедились в том, насколько это неправда – потренируйтесь на чем-нибудь в другое время.

И ошутите: она, как и все ее сестры-женщины, во все времена, предельно пронизательны, и лесть за версту чувствуют. И очень обижаются.

Правильно обижаются: лесть – это ложь. Кстати, в старину эти два разделенных ныне слова были одним...

Любите нас, какие мы есть...

Но нас и так любят такими, какие мы есть! Только такими. Если – любят.

Если бы нас не любили такими, какие мы есть, ничего живого в отношениях принципиально бы не возникло.

Мы остались бы очень внешними друг другу.

Виртуальными.

Соприкасающимися какими-то отдельными сторонами – как друзья, коллеги, партнеры.

А истинное чувство любит прощать!

От любящего, а значит – пронизающего взгляда не укрыты «недостатки и достоинства». Просто взгляд этот схватывает любимого человека целиком, как огромный дар, как букет, в котором есть и раскрывшиеся цветы, и только готовящиеся раскрыться бутоны.

И только любящий взгляд видит человека во всем его величии и красоте.

«В тебе я столько вижу красоты, что красоты твоей не вижу...» — это из «Сирано де Бержерака».

Наверное, именно так и видели друг друга Адам и Ева, и только их роковое отступничество и обрушившееся на них вслед за этим горе раздробило их взгляд, рассыпало единое зеркало на миллионы осколков.

И увидели они первым делом то, что наги...

Видеть наготу — это значит полностью утратить целостное видение. Видеть не любимого, а лишь какое-то его проявление, какую-то малую часть.

За что ты меня любишь?

Вопрос «За что?!» даже по форме — это почти вопль жертвы, подвергшейся несправедливому и вероломному нападению.

«Нет, ты полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит», — это выражение русского актера Щепкина, освященное литературными гениями Гоголя и Достоевского, настолько же распространено, насколько несправедливо.

Полюби, какая я есть — это зачастую не что иное, как изящный наряд для несостоявшейся просьбы: прости меня, я была неправа.

Но «быть неправой» — это такая досадная случайность, временность, в ней некомфортно находиться долго. Даже несколько минут — это очень долго. И это ведь уже промелькнуло, закончилось?

Тогда тем более это недоразумение, эта безделушка не должна быть поставлена ей в упрек.

Она взывает к твоему великодушию.

К тому огромному и святому, что у тебя внутри — к любви, которая «никогда не перестает», но — «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит»...

Вот она, спокойная и исчерпывающая «формула любви».

Ей две тысячи лет.

Знающих ее — даже наизусть — множество, слышавших хоть раз — в сотни раз больше.

А понимающих суть сердцем, не книжно, — больше в тысячи, сотни тысяч раз.

Где здесь место делению на черненьких и беленьких? Вообще — делению, как и сложению-умножению?

Не слишком ли много времени и сил мы уделяли разгадыванию зашифрованных посланий и точному, безошибочному значению символов?

К чему формулы и сложности, когда вот — так просто и почти житейски нам рассказано про любовь.

«Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит»... Разве не очевидно, что здесь самое главное слово — «всё»?

Целиком. Не по частям и фрагментам.

Ни «за что». Не за «это», не за «то».

Вы научились теперь играть в детскую игру — черное с белым не берите? Нет тут черного и белого.

«Всё покрывает»...

Остается «только лишь» приложить каждое из сказанных апостолом Павлом слов к своему сердцу.

Только к своему.

Не пытайтесь проверить ее на этом детекторе. Попробуетесь — значит, вы не любите ее. И сможете лишь увидеть, что оба вы наги...

Это сказано — вам. Вам — надеяться, верить, переносить... Всё переносить.

И чувствовать, жить, проживать.

Больно ушибаться и принимать чудесное исцеление.

И любить.

Так, чтобы не рождался в ней вопрос:

— А за что ты меня любишь?

Люблю. Тебя.

...Плюс ноль. Без комментария.

После слов, или Карта минных полей

В сокращенном, черновом варианте, эти новеллы были опубликованы в LiveJournal.

Одна молодая женщина, прочитав их, написала в комментарии:

«Если бы я «был нежным юношей», который еще только теоретически предполагает освоить общение с лицами противоположного пола, и при этом в качестве учебника по этой самой теории взял твои тексты... то я ОТКАЗАЛСЯ БЫ ОТ ЭТОЙ ЗАТЕИ!

Это ведь как по минному полю идешь! Шаг влево, шаг вправо — и взрыв!

Неужели можно действительно так серьезно прорабатывать любую повседневную ситуацию — диалог, действие по отношению к своей женщине? Это же тяжкий груз! А с кем же тогда быть самим собой — непосредственным и расслабленным?»

По минному полю... Очень точное сравнение. И такой отзыв мне дорог.

Но только в той версии, в которой этот образ «минного поля» прозвучал в интервью одного петрозаводского священника.

Он, правда, сравнил с минным полем всю жизнь человека.

И добавил: а карта — у Бога.

Здесь всё важно, в этом образе.

И то, что лучше воспринимать жизнь не как слу-

чайную прогулку или блицкриг, а как путь, наполненный настоящими победами и настоящими утратами.

Лучше – так воспринимать, даже если случаются прекрасные периоды непосредственности и расслабленности. У этих периодов тогда совсем другой вкус.

А популярные книжки, с претензиями на психологические находки, или мелодраматические комедии с броскими названиями вроде «Как завоевать/потерять парня/девушку за 10 дней» не более чем баловство, забава для праздных и пресыщенных...

И то важно, что и жизнь, и любовь всегда – Дар свыше.

Не мы составляли карту.

Не мы выбирали, где, когда и при каких обстоятельствах родиться.

И даже любовь мы выбрать не в состоянии.

Она, как известно «нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь».

Искру любви в сердце, как ни заставляй себя, собственноручно не высечешь – она может быть только подарена свыше. То, что удаётся высечь из своего кремня-сердца, останется только нашей поделкой. Или, хуже того, самообманом.

А вот за слова, поступки, идущие от сердца, только мы в ответе. Им нельзя «нечаянно нагряться».

И, конечно же, военный образ «минных полей» точно отражает: настоящими могут быть только те победы, которые оплачены по гамбургскому счету.

По счету «жизнь – смерть».

Знанием, чувством, опытом, потерями.

Приобретением навыков на кончиках пальцев, которыми вы прикасаетесь к смертельному – красному или синему? – проводу.

Переменной жизни. Возрождением. Воскресением из мертвых.

По дешёвке, контрабандой, с заглядыванием в ответы задачника, обманом и хитростью, сворованное или случайное – это всё и не из жизни, и не из любви двоих.

Чужое – оно и есть чужое, и его придётся вернуть. А чем дольше чужое считал своим, свыкался, – тем большее будет возвращать.

... У русского советского художника Константина Васильева есть картина «Нежданная встреча». Их даже две – с идентичными персонажами, только они зеркальны, и на той, которую я видел первой, есть жутковатая деталь – некто подглядывающий за этой нежданной встречей из окна.

Я всегда помню и картину, и своё первое впечатление, не изменившееся за всю жизнь.

А название – всё время забываю. И когда упоминаю о картине в разговоре, именую её обычно

по-другому – «Поцелуй украдкой» или «Украденный поцелуй».

Картина потрясает.

А от тяжелого взгляда того, кто подглядывает сквозь заиндевевшее окно, просто мурашки по коже бегут.

За ее персонажами мгновенно угадывается тягелая, трагичная история. Детали этой истории, безусловно, каждый зритель додумывает сам. Но какой бы сюжет вы ни придумали – он безусловно трагичен.

И украденный поцелуй, он – именно такой. Страшный, несущий в себе смерть.

Они – видные мужчина и женщина. Едва ли не иконописны их лица. Но не поворачивается язык назвать эту пару красивой – настолько безжизненны и леденящи глаза обоих.

Картину пронизывает запредельно лютый холод.

Да, на скупом заднем плане – зима, а на героях картины – теплые одежды. Но и без этого антуража холод ощущался бы таким же лютым – настолько мертвы и холодны мужчина и женщина.

И даже сам поцелуй, похоже, замёрз.

... Глядя на эту картину, я могу легко представить, что зима упала на землю здесь только мгновение назад. А до этого было лето, но уже исчезло.

Именно так вторгается в мир зима.

Через такой ворованный поцелуй, в укромной створке от главной дороги села.

Через то, что является высшим и желанным благом, но – не получено, а украдено.

Собственно, Адам и Ева увидели, «что они наги» и что в мир пришли зима и зло, тоже после того, как попытались украдкой присвоить себе то, что не было им даровано...

Когда я впервые увидел эту картину – на открытке, в довольно условной репродукции, я еще совсем не задумывался о Боге. И совершенно не поверял никакими заветами и заповедями свою жизнь. И про Адама и Еву еще вдумчиво не читал.

Вообще, был очень юн.

Но уже тогда отчетливо понял: на полотне – катастрофа. Вселенская беда, а не маленькая трагедия большого русского села.

Потом, спустя десятилетия, в периодических порывах стихийного миссионерства мне даже хотелось продемонстрировать ее «нежным юношам, которые еще только теоретически предполагают освоить общение с лицами противоположного пола».

Как предостережение.

Теперь я знаю: для искренне и не стихийно, а сознательно верующих людей в этой теме нет никаких неясностей.

Карта поля жизни – у Бога. Украсть ее нельзя.

Ни как плод с запрещенного дерева, ни как поцелуй за околицей.

Захочешь всерьёз разобраться: отчего столько шишек набил, столько рук-ног поотрывало – разберёшься.

А заодно – дополнительно что-то такое настоящее получишь, чего и не просил, кажется.

«... Мерею доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо, какою мерею мерите, такую же отмерится и вам» (Лк, 6:38).

И сколько бы рассудительных, наблюдательных, остроумных заметок или психологических статей «о любви двоих», о мужчинах и женщинах ни было написано за столетия, они в сумме не перевесят тех ясных и властных слов, которые уже сказаны в священной Книге.

Книге «карт прохода всех минных полей».

Но тут необходимо остановиться. У каждого – свой путь, свои минные поля. И Книга-для-всех только тогда окажется спасительной на этом пути, когда (и если) она станет Книгой-для-тебя.

Здесь тоже случайностям и контрабанде места нет. Нет и универсального подстрочника.

Но случается, что явится человеку истина из Книги в совершенно неожиданном обличье. Не перестает быть истиной, не опрощается – но становится доступной, понятной, ощущаемой до озноба под рубашкой.

Герои картины Константина Васильева, конечно, не Адам и Ева в момент грехопадения. И сама картина не иллюстрация к краткой заповеди «Не укради». Или «Не желай жены ближнего».

Но холод – тот самый, который и должен бы чувствоваться, когда говорят о заповедях или эдемском прошлом. Смертельный, гибельный.

Если так вышло, что «Плюс Ноль» вызовет ощущение движения сквозь минное поле, могу как автор только радоваться.

...Автор комментария про «минные поля» снабдила свое послание афоризмом знаменитого денди Оскара Уайльда: *«Семья распадается гораздо чаще от здравомыслия мужа, чем от чего-нибудь другого. Как может женщина быть счастливой с человеком, который упорно желает видеть в ней вполне разумное существо?»*

Изячно. Умно и красиво.

Мне нравится!

В каких-то ситуациях таким английским афоризмом заведомо можно (и нужно!) разрядить взрывоопасную обстановку. На то и юмор – в том числе знаменитый английский.

Разрядить, но – не разминировать...

□

Николай Павлович ГАБАЛОВ

родился в 1963 году.

Выпускник факультета журналистики МГУ (1985 год).

С 1985 по 2000 год работал в республиканских и городских газетах

Карелии,

с 2000-го по настоящее время – руководитель службы по связям с общественностью крупной лесопромышленной компании.

Член Союза журналистов России с 1986 года.

Публиковал очерки в сборнике «На своей, на северной земле» (1988),

в альбоме «Сегежский ЦБК: От чистого истока» (2004).

